

Key Words

Soviet era, Orthodox Church singing, precentors, repertoire.

M. Rakhmanova

A Soviet-Era Archbishop: Singing Repertoires of Church Hierarchy Sergiy (Larin)

Abstract

The article deals with the problems of Russian Orthodox Church singing in the 1950–60s on the example of the activities of one of the outstanding clerics of the epoch, Archbishop Sergiy (Larin).

Ключевые слова

советская эпоха, православное церковное пение, регенты, репертуар.

Рахманова М. П.

Архиерей советской эпохи: певческие репертуары владыки Сергия (Ларина)

Аннотация

Статья посвящена проблематике православного церковного пения в России 1950–60-х годов на примере деятельности в этой области одного из выдающихся архиереев эпохи — архиепископа Сергия (Ларина).

Заглавие этой работы может показаться странным, но оно точно отражает тему. Речь пойдет о церковно-певческих вкусах и свершениях одного из ярких представителей РПЦ советской эпохи, послевоенного ее периода — Сергия (Ларина), в конце жизни архиепископа Ярославского и Ростовского. Волею судьбы и с помощью добрых людей в мои руки попал ряд документов этого владыки, отложившихся на месте его последнего служения¹. Поскольку «спасителем» наследия был регент, то и документы оказались главным образом именно этого рода — певческие репертуары и переписка с церковными музыкантами, относящиеся к 1950—60-м годам. Я попыталась сопоставить полученный материал с другими публикациями, относящимися к этому владыке, а также с другими сведениями по основным темам, которые выдвигает данная часть рукописного наследия владыки Сергия.

***

Судьбы русского церковного пения в советскую эпоху вообще очень противоречивы и часто неожиданны. В любом случае эта эпоха отнюдь не была «пустой» в певческом смысле. Работа с архивными материалами показала, например, что 1920-е годы, особенно годы НЭПа, были, при всех трудностях церковной жизни, при всех гонениях, временем расцвета церковного пения — и в исполнительском, и в композиторском смысле. Где-то этот расцвет был качественный — в смысле отличного пения богатых и сложных программ в духовных концертах и широкого, не ограниченного никакой цензурой спектра авторских произведений за службами (что имело и свою изнанку: службы нередко превращались в концерты с заранее объявленным репертуаром). Где-то расцвет был скорее количественный — прежде

всего в сфере сочинительской. Так, в списках хоровой секции Драмсоюза (агентства по охране авторских прав) оказалось зарегистрировано более 100 авторов духовной музыки, в их анкетах перечислено множество сочинений, созданных не до 1917 года, а позже. Издательская деятельность в это время была невозможна (за исключением нескольких примеров гектографирования сочинений в период нэпа), и новые композиции размножались перепиской от руки и распространялись рассылкой по адресам знакомых регентов. В некоторых случаях подобные рассылки охватывали чуть не всю Россию.

В 1930-х годах храмы закрывались, с монастырями было покончено, епископы, священники, а также причт подвергались жестоким репрессиям, в лучшем случае — лишению разных гражданских прав. На вопрос, что же при таких обстоятельствах происходило с пением, ответить однозначно трудно. Очевидно, в оставшихся действовавшими храмах пели так, как могли, и то, что сохранилось от предшествующей эпохи. Были общины, и ранее имевшие строгие взгляды на церковную службу, где удерживался аскетический, исключительно уставный, тип пения. Но в основном пение очень сократилось, принципиально не изменившись. Об этом может свидетельствовать, например, обращение будущего патриарха Алексия, а тогда епископа Ленинградского, к своей пастве уже накануне войны, 15 февраля 1941:

И теперь, как и раньше, можно слышать у нас в храмах пение искусственное, театральное, в то время как то, что является основным в богослужении: псалмы, стихиры, каноны, сокращается до последней степени. Необходимо снова напомнить, что целью наших богослужений является не создание музыкальных эффектов и не подражание операм и концертам с их сольными и прочими «номерами», а молитвенное настроение, вызываемое содержательными и умилительными церковными песнопениями².

Еще пример. Благодаря публикации петербургской исследовательницы Карины Щириной стало известно, что композитор Владимир Митрофанович Иванов-Корсунский, один из поздних учеников Балакирева, во второй половине 1930-х годов сочинил по

¹ Выражаю сердечную благодарность ярославскому регенту и исследователю Людмиле Зуммер, которая предоставила мне копии ряда ценнейших материалов из своего личного архива.

² Патриарх Алексий (Симанский). Выписка из распоряжения Святейшего Патриарха в бытность его Митрополитом Ленинградским, благочинным церквей г. Ленинграда. 15 февраля 1941 года // Православный церковный календарь на 1946 год.

заказу ленинградских регентов новые композиции, и они тогда же исполнялись в ленинградском Князь-Владимирском соборе³.

Таким образом дело шло до 1943 года, когда после ныне всесторонне освещенной встречи Сталина с представителями епископата Церковь получила некую свободу, которая тогда казалась чуть ли не безграничной и принята была с восторгом и священством, и верующими. (Оставляю в стороне вопрос пения в открывавшихся храмах на оккупированных территориях — это особая тема, которой сейчас замечательно занимается Светлана Зверева). Полоса словно бы дружественного сосуществования государства и Церкви длилась недолго, но этого времени оказалось достаточно для восстановления многого — и храмов, и монастырей, и духовного образования, и пения в числе прочего. В частности, был создан Патриарший хор под управлением Виктора Комарова, который мог служить неким ориентиром для прочих хоров. Начало возрождаться постепенно и пение в Троице-Сергиевой лавре, сначала обычное, но потом иного, именно монастырского, вида и стиля.

Очевидно, что в послевоенную эпоху существовало много ценных творческих явлений в данной сфере. Так, в Музее (Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры) имени М.И. Глинки сохранилась записка старого тамбовского регента и композитора Федора Ефимовича Степанова, который в 1947 году жил в Москве и последовательно обходил действовавшие храмы, прислушиваясь к пению.

В целом Степанов высказывается критически (что естественно для восьмидесятилетнего регента, помнившего былые времена), но при этом обнаруживается, что один московский хор оказывался в состоянии прилично спеть за службой Литургию соч. 41 Чайковского (весьма трудное в техническом смысле сочинение); в репертуаре другого — много песнопений Кастальского, Рахманинова, Чеснокова; третий — исполняет развернутые композиции Архангельского. А поглядев на сохранившийся репертуарный список такой известной в Москве церкви, как Всех Святых на Соколе, где регентом был «синодал» (выпускник Синодального училища) Николай Сергеевич Данилов, мы найдем там чуть не все так называемое Новое направление, то есть вершину авторского духовно-музыкального творчества предреволюционной эпохи. И диаконы этой эпохи вызывали восторг у многих мемуаристов своими голосами и своей музыкальностью. Конечно, это были лучшие хоры и диаконы, но все же их было немало.

³ См.: Иванов-Корсунский В. Противостояние. Воспоминания, дневники / Сост. К. Щирин. СПб., 2006.

Думается, дело главным образом в том, что тогда еще здравствовали хранители традиций — и в духовенстве, и в регентах, и в певчих, и в прихожанах-ценителях тоже. Обретя некую свободу, пусть очень ограниченную, они ревностно занялись любимым делом.

Обрисовав, по необходимости крайне бегло, картину церковно-певческой жизни православной России, перейду к деятельности владыки Сергия Ларина.

Архиепископ Ярославский и Ростовский.
1967

Приведу сначала биографию архиепископа Сергия — по тексту публикации Н.А. Кривошеевой в Свято-Тихоновском Вестнике 2009 года, поскольку некролог в Журнале Московской патриархии относится к эпохе, когда нельзя было писать всю правду, а биографические материалы, имеющиеся в сети, неполны.

Сергий (Сергей Иванович Ларин, 11.03.1908, Санкт-Петербург — 12.09.1967, пос. Мамонтовка Московской обл.), архиепископ. Происхождением из хорошей, интеллигентной петербургской семьи.

Обучался в 5-й Петроградской гимназии (37-й советской школе второй ступени). В 1923—1943 гг. пребывал в обновленческом расколе. С 1923 г. прислуживал в обновленческих храмах Петрограда. В 1926 г. «рукоположен» в сан «диакона». В 1930 г. окончил Ленинградский обновленческий Богословский институт, одновременно прослушал курс лекций в историческом лектории при историко-филологическом факультете Ленинградского университета. В 1930 г. «рукоположен» во «иерея».

В 1933 г., после развода с женой, пострижен в монашество с оставлением мирского имени. Служил в Тихвинском обновленческом монастыре под Ленинградом. С 1933 г. член и секретарь Тихвинского викариального обновленческого управления. В 1933 г. арестован и приговорен к трем годам заключения в лагере условно. В 1934 г. настоятель Петропавловской единоверческой обновленческой церкви на Волховстрое. С 1935 г. настоятель Петропавловской обновленческой церкви в Ленинграде. Арестован в 1935 г. и приговорен к двум годам заключения в лагере. Наказание отбывал в Дмитровлаге до 1937 г. После освобождения служил в Московской обновленческой церкви прп. Пимена Великого. С 1938 г. настоятель Воскресенского храма в Сокольниках, благочинный обновленческих церквей Москвы. 10.11.1941 «хиротонисан» в обновленческого «епископа Звенигородского, викария Московской епархии».

В годы войны временно управляющий Московской обновленческой епархией. 05.05.1943 переведен в Ташкентскую обновленческую епархию, обновленческий «епископ Ташкентский и Среднеазиатский». 27.12.1943 — то есть очень рано, буквально первым — принес покаяние и принят в лоно Русской Православной Церкви как простой монах. Рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Служил 3-м священником Загорской Ильинской церкви. 15.08.1944 хиротонисан во епископа Кировоградского, викария Одесской епархии. В 1945 г. временно управляющий Одесской епархией, епископ Одесский и Кировоградский. 1946 — 30.10.1947 епископ Херсонский и Одесский. 30.10.1947 — 24.02.1948 епископ Ростовский и Таганрогский. 24.02.1948 — 19.10.1949 епископ Ростовский и Новочеркасский. С 19.10.1949 — 1950 гг. епископ Житомирский и Овручский. 17.03.1950 — 01.02.1951 епископ Гродненский и Брестский. В 1951 г. уволен на покой согласно прошению. 01.04.1952 — 09.02.1954 епископ Тульский и Белевский. 09.02.1954 — 27.07.1959 епископ Астраханский и Сталинградский. 27.07.1959 — 03.04.1961 епископ Омский и Тюменский. 30.03.1961 удостоен степени кандидата богословия за работу об обновленческом расколе. 03.04.1961 возведен в сан архиепископа. 03.04.1961 — 10.10.1962 архиепископ Пермский и Соликамский. 10.10.1962 — 20.05.1964 архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы. 13.10.1962 удостоен степени магистра богословия за работу об обновленческом расколе. 20.05.1964 — 12.09.1967 архиепископ Ярославский и Ростовский. 25.05.1965 — 15.06.1965 временно управляющий Вологодской епархией⁴.

⁴ Новые документы к жизнеописанию архиепископа Сергия (Ларина). Воспоминания епископа Василия (Родзянко) и М.Е. Губонина / Публикация и примечания Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. 11:1. М., 2009. С. 124—125. Далее при цитировании — Вестник. Курсивом выделены места служения епископа, от которых сохранились певческие материалы.

Хотя череда быстрых перемещений епископов характерна для послевоенной эпохи, когда ощущалась острая нехватка подходящих кандидатур, все же послужной список владыки Сергия представляет собой выдающееся явление.

Безусловно, в наши задачи не может входить оценка этой интереснейшей фигуры в целом, в общем контексте церковной истории. Подчеркнем только еще раз, что знавшие владыку Сергия люди — известные, уважаемые свидетели — смотрели на него по-разному.

Образ епископа отразился, например, в мемуарах будущей правозащитницы Зои Масленниковой как образ умного, правдивого и, что особенно важно для той эпохи, открытого к общению человека Церкви. Их встреча произошла случайно, на плывущем по Волге пароходе:

Накануне нашего прибытия на теплоходе появился новый пассажир. Статный, холеный, с седой шевелюрой и седой же бородкой он погулял в своем отличном чесучовом костюме по палубе и скрылся в каюте. Мы решили, что он, должно быть, писатель. Рахиль утверждала, что он похож на Григоровича, а я — на Лескова.

В первой же беседе (когда Масленникова уже понимала, что перед ней церковный человек, но не знала ни его имени, ни сана) между ними произошел следующий диалог:

— Скажите, пожалуйста, вам знакомо письмо священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана?

— Да, — отвечает спокойно и невозмутимо незнакомец, глядя на меня благожелательными серо-голубыми глазами.

Дело в том, что в ту пору я регулярно читала чуть не весь самиздат. Когда кому-нибудь из друзей угрожало обыск, ко мне свозили эту литературу чемоданами. Так мне попала машинопись большого, страниц на семьдесят, письма двух священников, где они раскрывали тайны механизма, с помощью которого госбезопасность управляла всеми деталями церковной жизни. Авторы письма упрекали патриарха и епископат в полном подчинении незаконному насилию и призывали их пользоваться своими конституционными правами.

— Мне хотелось бы знать, насколько это письмо справедливо, верно ли оно изображает положение дел в Церкви?

В спешке я не успела сообразить, что мой вопрос легко счесть провокационным.

Но собеседник отвечал с поразительной искренностью. Он говорил, что картина дана верно, однако письмо пользы не принесет, потому что

патриарх бессилен и вообще что-либо изменить сейчас нельзя. Важно хотя бы сохранить институт Церкви в безбожной стране. Авторов письмо уже лишило возможности приносить пользу Церкви, и это очень жаль.

Ответ незнакомца не был ему выгоден ни с какой точки зрения: ни с церковной, ни с лубянской, ни с правозащитной.

— Вы знаете, — сказала я, — когда вы говорили, у меня мелькнула подлая мысль: не является ли ваша искренность частью вашей профессии?

Собеседник мой призадумался, а потом ответил серьезно: — Пожалуй, вы правы.

После этого мы познакомились. Оказалось, я разговариваю с архиепископом Ростовским и Ярославским Сергеем Ивановичем Лариным⁵.

С этого знакомства и последующей встречи в Москве началось воцерковление Масленниковой. Для епископа Сергия это были последние месяцы его жизни.

Другая миранка, педагог и регент храма Апостола Филиппа на Арбате Нина Фортунатова, человек, близкий к о. Александру Меню, описывает в своих воспоминаниях похороны внезапно скончавшегося владыки Сергия:

12 сентября 1967 г. умер владыка Сергий. На даче в Мамонтовке. Мы все, юноши и девушки, принимали активное участие в похоронах. Отец Александр [Мень] все время служил литии и панихиды. Приехал владыка Пимен, будущий Патриарх. Было много духовенства... За владыку Сергия молюсь до сих пор...⁶

Хронологически самые ранние воспоминания представлены у А.Э. Краснова-Левитина, встретившегося с будущим владыкой Сергием во время войны в Средней Азии:

В это время в церковной жизни Средней Азии происходила полная неразбериха. Вся Средняя Азия (90 храмов) была обновленческая. <...> Во время войны сюда был переведен из Москвы с пышным титулом епископа Ташкентского и Среднеазиатского молодой епископ Сергий Ларин. Подоплека этого перевода мне была не ясна. Только лишь через много лет от епископа Сергия Ларина я узнал причину его перевода из Москвы в Ташкент. <...>

⁵ Масленникова Зоя. Жизнь отца Александра Менья // Интернет-ресурс: http://krotov.info/library/13_m/as/lennikova_1a.htm#277. Дата обращения: 10.01.2016.

⁶ Фортунатова Нина. Мой огненный ангел. М., 2009. С. 37.

Освобожденный в 1939 году [из заключения], он переезжает в Москву (конечно, не без содействия некоторых своих высоких друзей из органов) и становится управляющим делами при Первоиерархе (самая в то время энкаведистская должность: заведующий отделом кадров). Впрочем, должен сказать, что мне не известен ни один случай, чтобы кто-нибудь из-за него пострадал. По натуре он был, видимо, не злой человек и ограничивался “общей информацией”.

<...> [В 1941] епископ Сергий неожиданно стал (хотя и сугубо временно) в центре обновленческой церкви. Как это ни странно, он тотчас выступил против Введенского. Правда, справедливость требует признать, что большей частью он был прав.

Прежде всего (об этом я узнал уже много позже) он сорвал авантурный план Александра Ивановича объявить себя Патриархом. На это дали согласие все обновленческие иерархи, кроме Сергия Ларина, который справедливо указал на антиканоничность подобной авантюры.

Наибольшее обострение отношений произошло в 1943 году, когда стало известно о сепаратных переговорах, которые Сергий Ларин повел (строго конфиденциально) с Митрополитом Николаем. В результате сепаратных переговоров было достигнуто... соглашение... <...>

Это соглашение было одобрено Митрополитом Сергием. Гражданская власть также заявила, что у нее нет возражений... <...>

Все сорвалось из-за непредвиденного обстоятельства. Текст этого соглашения был разослан совершенно конфиденциально всем обновленческим архиереям. Однако совершенно неожиданно один из них (причем это был старый архиерей еще дореволюционного поставления Митрополит Ярославский Корнилий) переслал текст этого проекта... Кому бы вы думали? Введенскому. Первоиерарх тотчас перевел епископа Сергия в Ташкент. Сразу же проект заглох.

Весной 1944 года, когда воссоединение обновленцев все-таки произошло (на гораздо менее благоприятных условиях), Сергий Ларин тут же поспешил поднести Патриархии Среднеазиатскую епархию (90 приходов) на серебряном блюде.

Для приема епархии из Москвы был направлен архиепископ Куйбышевский Алексей Палицын. <...> Сергий Ларин был затребован в Москву, принят в сане простого монаха, а через два месяца был вновь рукоположен в диакона, пресвитера и епископа — и стал православным архиереем...⁷

⁷ Краснов-Левитин А. Рук твоих жар [1979]. Интернет-ресурс: http://krotov.info/history/20/1940/levitin_8.htm. Дата обращения: 10.01.2016.

Для такого крайне «острого», политизированного мемуариста, как Краснов-Левитин, признание, что от Сергия Ларина никто не пострадал, — это уже неплохая оценка, да и сам тон данного фрагмента — опять-таки для данного мемуариста — достаточно доброжелателен.

К военной же эпохе относится еще одно удивительное свидетельство — картина известного художника (действительного члена Академии художеств, лауреата Государственных премий) Василия Николаевича Яковлева, в 2005 году разысканная в фондах Ярославского художественного музея и там же экспонированная со следующей аннотацией:

В.Н. Яковлев. Патриотическое молебствие 22 июня 1942 года в Москве (1942 — 1944). Из собрания Ярославского художественного музея. Цит. по: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?11755>

«22 июня 1942 года Василий Николаевич Яковлев присутствовал на богослужении о даровании победы оружию Советской Армии, которое вел епископ Звенигородский [в обновленчестве] Сергей, прося Бога дать Победу Советской Армии. Епископ поразил художника своей величественной манерой ведения службы. Так у него возникла идея написать так называемый “парадный портрет” владыки. Для этого он взял огромный холст высотой 4 метра и написал епископа и двух прислуживавших ему мальчиков, внуков епископа Анатолия Филимонова Толю и Колю, в роскошных золотых одеждах, яркость и блеск которых даже сегодня ослепляет зрителей.

Свою картину он писал два года и закончил только в конце 1944-го. Полюбоваться столь масштабным произведением в мастерскую художника приходили маршал Ворошилов, митрополит Крутицкий Николай, писатель Леонид Леонов и даже послы иностранных государств. Но после того как работа была закончена и передана в дар владыке, ее не видел никто. Намотанный на специальный валик, холст путешествовал

вместе с владыкой по городам и весям, куда его забрасывала служебная необходимость — в Одессу, Ростов-на-Дону, Таганрог, Тулу, Астрахань, Томск, Пермь и даже Берлин.

Прибыв в 1964 году в Ярославль, уже будучи архиепископом, Сергей через некоторое время преподнес картину в дар Художественному музею».

О том, какие ответственные поручения получал владыка Сергей от Московской патриархии в послевоенные годы и как он их выполнял, свидетельствуют воспоминания епископа Василия (Родзянко), записанные в 1990-х годах. Правда, публикатор этих воспоминаний оговаривает, что записывающей была духовная дочь архиепископа Сергия, а, следовательно, епископ Василий должен был воздерживаться от резких суждений. Однако нельзя отрицать, что весь тон этого мемуара — исключительно теплый, и оценки деятельности Сергия по поддержке православного духовенства — на редкость высокие.

Это был человек, который, несомненно, был безгранично предан своей православной вере, Церкви и который, если нужно, был готов отдать все за это, что он и сделал впоследствии. В то же самое время он был очень мудрым и очень хорошо разбирался в обстановке и в людях. Он старался максимально использовать эту обстановку для того, чтобы помочь тем, кто невинно страдал. <...>

Потом была еще одна встреча с владыкой, в Лондоне. Он опять приехал во главе одной из церковных делегаций, на этот раз для посещения Англиканской Церкви. Мы встретились с ним, как уже давно знакомые. Это было, насколько я помню, <...> совсем незадолго до его кончины. Он у нас ужинал, и мы вместе провели несколько часов. Он был у нас один, без сопровождающих. Так что только матушка, я и он, мы троим ужинали и очень-очень откровенно беседовали. Он, конечно, и теперь учитывал обстановку, уже совсем иную, чем раньше. Я в это время уже был известным в России радио ведущим религиозных программ, которые он лично тоже слушал, знал о них. И вот тут он просто обратился ко мне с просьбой помочь: «Помогите сейчас Русской Церкви, скажите, пусть здесь пишут о нас, пусть говорят о нас, пусть защищают нас, потому что сейчас это единственное, что может помочь Русской Православной Церкви». И вот тут получился такой парадокс. Сначала, в Белграде, он мне лично помог и понял тогда мою позицию и помог нашим священникам, нашим верующим и Сербской Церкви. Здесь оказалось как раз противоположное — он оказался в трудном положении, и его Церковь была в трудном положении, а я был в таком состоянии, что я мог ему помочь, благодаря данному мне микрофону⁸.

И надо сказать, что воспоминания владыки Василия вполне согласуются с документами, опубликованными недавно в книге протоиерея Алексия Марченко «Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР» (М., 2010). Написанная по документам провинциальных епархий, в частности Пермской, где служил владыка Сергий, книга эта содержит целый ряд посланий, с которыми владыка обращался к советским властям по поводу разных чинимых ими притеснений церковной жизни. Как правило, эти документы содержат ссылки на Конституцию, на действующее законодательство и отличаются смелостью тона: епископ не просит, а требует справедливости. И это в 1961—62 годах, в эпоху хрущевских гонений на церковь! Неудивительно, что его пребывание во главе Пермской епархии ограничилось полутора годами...

***

Решительно все мемуаристы пишут об исключительной любви владыки Сергия к пышности и торжественности — и в службах, и в повседневной жизни, в которой он неизменно осознавал и «позиционировал» себя как «князь Церкви». На этот счет немало критических откликов зафиксировано в материалах о владыке, помещенных на сайте Астраханской епархии⁹, а также в воспоминаниях одного из самых почитаемых людей русского церковного мира — М.Е. Губонина (автора ныне изданного огромного собрания документов Патриарха Тихона). Однако и в наиболее недоброжелательных откликах признается, что уверенное поведение владыки в послевоенные десятилетия в сочетании с личной смелостью позволяло ему отстаивать важные церковные интересы.

Например, М.Е. Губонин свидетельствует:

Так сказать, колоритность общего внешнего облика Преосвященного немало выигрывает от контраста с современным ее окружением. Особенно в гражданской обстановке, на фоне сегодняшнего дня его помпезный и декоративный вид, в неизменной цветной рясе с широчайшими рукавами на атласной подкладке какой-нибудь дикой расцветки и с неизменной драгоценнейшей пангией на груди (иногда еще впридачу с несколькими заграничными орденами!), производит обычно совершенно ошеломляющее впечатление на нашу окружающую «широкую демократию», которая давно уже вычитала в газетах, что под лучами восходящего солнца новой жизни старая, реакционная и насквозь

прогнившая от монархических миазмов Церковь рассыпалась в труху, а «попы» вымерли, как динозавры. И это к тому же настолько неинтересное и бесполезное племя, что нет никакой надобности даже и в музее хранить их чучело — в назидание потомкам! <...>

Проведя юность свою среди архиереев старой формации, <...> Преосвященный в совершенстве усвоил от них все внешние признаки величавости и сановитости, свойственные «князю Церкви», о которых теперешний епископат Русской Церкви [воспоминания относятся к 1960-м годам] и понятия не имеет¹⁰.

Текст с сайта Астраханской епархии:

Поражал своим внешним пафосом владыка и местные власти. Рассказывали, что когда архиерей отправлялся на прием к Уполномоченному по делам Русской Православной Церкви, то никогда не садился в машину, а шел пешком, от Покровского собора, по ул. Коммунистической, до здания обкома, а его личный «ЗИМ» следовал тихонько за ним. Вид архиерея в пышной рясе, увешанного правительственными наградами, вызывал у прохожих почтительное чувство.

Умел воздействовать владыка и на местные власти, относившиеся к нему с большим уважением. Это «воздействие» помогало владыке Сергию чувствовать себя уверенно и отражать всяческие нападки на Церковь и ее священнослужителей, исходивших от враждебно настроенных к Церкви людей. Период 50-х годов еще нес на себе печать послевоенной «оттепели» во взаимоотношениях между государством и Церковью, хотя начинало чувствоваться и заметное охлаждение. Но несмотря на это охлаждение, владыка Сергий твердо удерживал прежние позиции и не позволял кому бы то ни было попираť святыню. Ему нельзя было отказать в несомненной твердости при защите церковных интересов, что тогда отличало уже не очень многих архиереев.

В то время стала распространяться известная практика очернения духовенства, когда священников под предлогами исполнения различных треб приглашали на дом, а там устраивали различные провокации. Известны случаи, когда духовенство обвинялось в различных преступлениях «морального характера». Так, например, служивший в то время в Астрахани известный старец иеромонах Сампсон (Сиверс) был под предлогом причастия больной женщины заманен на квартиру, где эта «больная», по условному знаку, стала кричать, что он ее изнасиловал. Сбежавшиеся «по команде» соседи и милиция составили протокол и отца Сампсона обвинили в преступлении. Только милость Божия спасла старца от тюрьмы, но он был, по

⁹ Интернет-ресурс: <http://www.astrakhan-ortodox.astranet.ru/vladyki/sergiy2.htm>.
Дата обращения: 10.01.2016.

¹⁰ Вестник. С. 140.

настоянию властей, отправлен на «смирение» в Псково-Печерский монастырь. Имея в виду такие случаи, владыка Сергей очень часто с церковного амвона выступал в защиту духовенства, отвечая энергичными «отповедями» на действия провокаторов из церковной среды и на действия провокаторов из стана атеистов. Как бы то ни было, в каждом случае владыка вмешивался и не давал властям доводить дело до суда. <...>

В <...> 1958 году произошло еще одно знаменательное событие. 25 октября в субботу в городе Астрахани состоялось празднование, посвященное 400-летию со дня основания этого города, которое сопровождалось не только светскими торжествами, но и торжествами церковными. Это было великое торжество, и оно стало последним в преддверии начинающихся страшных хрущевских гонений на Церковь.

27 июля 1959 года последовал указ Св. Синода о перемещении епископа Астраханского и Сталинградского Сергия на Омскую и Тюменскую кафедру.

Закончить тему «пышности» хотелось бы колоритным воспоминанием епископа Василия (Родзянко), оказавшегося вместе с владыкой Сергием на Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей в Нью-Дели в 1961 году (время «хрущевского гонения»):

Там у них на юге специально для того, чтобы приветствовать православных гостей из разных стран, собралось около миллиона верующих, и была устроена торжественная процессия, в которой принимали участие слоны, украшенные по их традиции. Так что все было очень красочно и очень интересно. И в это время мы нигде не могли найти владыку Сергия, он куда-то исчез. Когда мы его нашли, он стоял перед слоном и смотрел на него. Потом, улыбнувшись, он обратился к тому, кто к нему пришел, и сказал: «Вот у кого достоинство настоящее, смотрите, как он стоит. Вот у кого нам, архиереям, надо учиться архиерейскому достоинству». Все рассмеялись, и этот штрих открыл особую черту его характера. В этой шутке была маленькая насмешка над самим собой, над нами, архиереями, что мы, дескать, должны быть, как слоны, в своем торжественном выходе¹¹.

***

Пение, по-видимому, всегда играло в деятельности владыки Сергия выдающуюся роль. Истоки его любви к церковному пению и знания репертуара могут восходить и к предвоенным годам, но безусловно

подобное тяготение было поддержано в первые годы его архиерейского служения, связанные с Одессой и Ростовом.

Приведем в этой связи высказывание очень компетентного судьи — регента (в недавнем прошлом регента Храма Христа Спасителя) Николая Георгиевского, семья которого была близка Патриарху Алексию; приводимый далее текст входит в воспоминания Георгиевского о в высшей степени почтенном иерархе — митрополите Несторе (Анисимове), апостоле Камчатки, после войны попавшем в советские лагеря, а затем некоторое время жившем на отдыхе в Одессе (конец 40-х — начало 50-х годов):

Дом Патриарха на Черном море, под Одессой организовал архиепископ Никон (Петин). С большой помпой служил владыка Никон в Одессе, продолжая деятельность епископа Сергия (Ларина), который считал, что если папа Римский имеет в 300 человек хор, то православному епископу стыдно иметь менее 30. И хор при нем в кафедральном соборе Одессы под управлением профессора консерватории [Константина] Пигрова в 70 человек был лучшим, и порядок был отменным. Епископ Сергей (Ларин) по своим знаниям — настоящий профессор, русский интеллигент, личность столь интересная, что с удовольствием с ним общался маршал Г.К. Жуков, которого Сталин сослал в Одессу после всех побед и почестей. Архиепископ Никон лишь продолжил то, что начал епископ Сергей, однако тоже очень талантливо¹².

¹² Цит. по: Фомин С. Апостол Камчатки Митрополит Нестор (Анисимов) М., 2004. С. 306. Процитируем кстати характеристику деятельности владыки Сергия с сайта Православная Одесса: «На его долю выпало восстановление разрушенной войной епархии. Епископ открыл 3 монастыря в Одессе, один в Балте и один в Чигирине, и добился выделения им земли для огородов. Он освятил верхний храм Успенского собора, преобразованного в кафедральный (так как Спасо-Преображенский кафедральный собор был взорван большевиками) и открыл в 1945 году пастырско-богословские курсы, через год преобразованные в семинарию. При епархиальном управлении были организованы и открыты магазин, мастерская церковной утвари и свечная мастерская» [Интернет-ресурс: <http://eparhiya.od.ua/eparhiya/istoriya-eparhii>. Дата обращения: 10.09.2016]. Насчет папы Римского и численности его хора можно привести характерный документ из книги о. Алексия Марченко: «Вопреки постановлениям Архиерейского Собора 1961 года, оставившего за духовенством право регулировать богослужебную деятельность, староста [кафедрального собора Перми] И.Ф. Байдаров неоднократно отказывал архиепископу Сергию в возможности по своему усмотрению контролировать прием и увольнение певчих архиерейского хора, на что церковный совет во главе со старостой возражал: «Хор не ваш, а собора. Деньги певцам платим мы, и мы... А если считаете их своими, то платите сами...» [Марченко Алексей, свящ. Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. С. 119]. Надо полагать, что владыка Сергей именно так и поступал; во всяком случае в той же книге по документам прослеживается, как он постоянно и щедро помогал священникам и всем епархиальным служащим (что тоже ставилось ему «на счет» местными уполномоченными).

¹¹ Вестник. С. 134.

И в Одессе, и в Ростове, а затем и в Астрахани епископ Сергей имел дело с выдающимися хорами и выдающимися регентами.

Так, одесским хором после Пигрова руководил крупный мастер и духовный композитор Николай Вирановский. Многие службы, а также и духовные концерты (закрытые, конечно) шли там в присутствии Патриарха Алексия и его гостей, часто зарубежных (в Одессе располагалась официальная летняя резиденция Патриарха).

В Ростове имелся не менее замечательный соборный хор под управлением Ивана Коваленко, выпускника Придворной капеллы. И епископ Сергей, и иеромонах Пимен, будущий Патриарх (а в то время иеромонах, секретарь владыки Сергия), этим хором много занимались.

В Астрахани в соборе пел исключительно сильный хор под управлением сначала регента Сергея Кузнецова, потом регента Бориса Зайцева, — хор, созданный предшественником владыки Сергия — архиепископом Филиппом (Ставицким), горячо любимым в Астрахани и бывшим там правящим архиереем в 1920-х и потом, после разного рода репрессий, в 1944—52 годах. Этому хору был под силу огромный сложный репертуар, о чем может, свидетельствовать, например, телеграмма регента Кузнецова в адрес владыки Сергия, датирующаяся уже мартом 1967 года, когда Кузнецов трудился в Куйбышеве/Самаре:

Сердечно поздравляю днем рождения. Дорогой Владыка никого я так не любил и не почитал как Вас. Вспоминаю двухорные концерты произведения Сарти Галуппи Кастальского Гречанинова Бортнянского Чайковского Варгина многих других. Даже не верится. Душевно Вам желаю здоровья благополучия. Всегда Ваш Сергей Алексеевич.

А вот письмо регента Зайцева из Астрахани, тоже 1967 года:

Ваше глубокое знание основ церковного пения, музыкальная одаренность, исключительно тонкое понимание произведений таких композиторов, как А. Кастальский, С. Рахманинов, А. Никольский, Н. Черепнин, П. Чесноков, П. Чайковский и других — известны многим архиерахам и регентам в Советском Союзе. Поэтому мне и архиерейскому хору приятно слышать Ваше высококвалифицированное мнение об исполнительском мастерстве нашего хора в последнее Ваше посещение Астрахани. Ваше прекрасное служение доставило всем нам глубокое удовлетворение и воодушевило на преодоление трудностей в освоении высот певческого мастерства.

И можно полагать, что это не пустые комплименты. От астраханских времен сохранились две яркие проповеди владыки Сергия, посвященные русским композиторам-классикам, Римскому-Корсакову и Гречанинову, с широкими обзорами их творчества вообще и духовно-музыкального в частности. В обоих случаях литургии памяти композиторов были исполнены хором под управлением Кузнецова исключительно песнопениями этих авторов. Гречанинов являлся, судя по всему, любимейшим духовным композитором владыки Сергия. Еще в одном сохранившемся репертуаре астраханских времен он вновь представлен очень убедительно. Это — репертуар торжественного архиерейского богослужения, состоявшегося в Неделю Православия (9/22.03.1959) в Покровском кафедральном соборе Астрахани.

Литургия:

1. «Хвалите Господа с небес» (встреча) — Чеснокова;
2. «На гору Сион» — Андрусенко;
3. «Свыше пророцы» — Глаголевых;
4. Великая ектения и 1-й антифон — Гречанинова;
5. 2-й антифон — Гречанинова;
6. «Во царствии» — Гречанинова;
7. «Единородный Сыне» — исполняет левый хор.
8. Аллилуарий и проч. — Гречанинова;
9. Сугубая ектеня — Гречанинова;
10. «Херувимская» — Калининкова;
11. Просительная ектеня — Гречанинова;
12. «Отца и сына» — партесное, исполняет левый хор;
13. «Верую» (соло альт) — Гречанинова;
14. «Милость мира» — Гречанинова;
15. «О Тебе радуется» — исполняет левый хор;
16. «Отче наш» — с народом;
17. «Хвалите Господа с небес» — Гречанинова;
18. «Кто Бог велий» (двухорный концерт) — Бортнянского;
19. Конец литургии — Гречанинова.

На молебствии:

20. «Царю небесный» — Грибовича;
21. «Верую» — всенародно, с участием обоих хоров и духовенства;
22. «Вечная память» — Киевская, лаврская;
23. «Вечная память» — Мясникова;
24. «Вечная память» — Шишкина;
25. «Вечная память» — Кубаевского;

26. «Вечная память» — Архангельского;
27. «Во блаженном успении» — по усмотрению регента;
28. «Многолетие» — Кастальского;
29. «Многолетие» — старообрядческое 1-е;
30. «Многолетие» — старообрядческое 2-е;
31. «Многолетие» — Зиновьева;
32. «Многолетие» — Архангельского;
33. «Многолетие» — Скрыпникова;
34. «Многолетие» — Васильева;
35. «Многолетие» — Бортнянского (большое);
36. «Многолетие» — Речкунова (двухорное). После молитвы:
37. «Слава в вышних Богу» (двухорный концерт) — Бортнянского.

Сразу после отпуска молебна: «Аминь» и концерт-догматик.

38. «Всемирную славу» — Веделя и
39. «Исполла» (большое).

К этой службе есть комментарий присутствовавшего там Михаила Губонина:

Замечательный — один из первых по качеству в России — архиерейский хор в составе восьмидесяти человек, под управлением регента Сергея Алексеевича Кузнецова, был не только на высоте положения, но и выше всяких похвал.

Левый хор, в количестве тридцати человек, также очень мощный по своим вокальным и техническим данным, в ходе богослужения в потребных случаях соединялся с правым, архиерейским, хором, под единым руководством С.А. Кузнецова. Как собор, так и соборный двор были переполнены молящимися, среди коих, впрочем, как говорили, было немало людей и неверующих, пришедших специально лишь для того, чтобы послушать необыкновенную и редкую музыку, подобную которой нигде, конечно, услышать в наше время нельзя.

Задолго до этого торжественного богослужения репертуар был подобран Преосвященным, обсужден во всех деталях с регентом С.А. Кузнецовым (немалым знатоком своего дела, приглашенным в свое время из Одессы, но, к сожалению, страдавшим «русской болезнью») и тщательно разучивался хором в течение длительного времени, с нередким посещением спевков Его Преосвященством, не стеснявшемся, конечно, делать регенту и певцам свои замечания, если находил это нужным¹³.

Далее красочно описываются многочисленные репетиции, которые проводил владыка с хором, регентом, диаконами и всеми сослужащими при подготовке торжественных служб. Можно добавить, что так владыка Сергей поступал всегда: сохранившиеся репертуары его служб более поздних времен, пермских и ярославских (написанные им самим либо продиктованные регенту или машинистке), содержат массу указаний богослужебного порядка для всех занятых в богослужении. Например:

10 марта 1965 года
Ключарю Феодоровского кафедрального
Града Ярославля собора
сию Скобей

В воскресенье в Неделю Православия совершу Божественную литургию. Ризница желтая парадная, проповедь буду произносить лично, на запричастном стихе, после концерта и пения левого хора. Иконы на молебен изнесем сами из алтаря и положим их на аналогии. Во время литургии «Верую» и «Отче наш» петь хору. На молебне Символ веры петь всей церкви, начиная с меня. Слово «Веруем» возглашает протодиакон. Второй протодиакон руководит пением, начиная со слов: «Во Единого Бога Отца...». Петь не замедленным темпом, но и не ускоряя.

Порядок многолетий и прежде возглашений с вечной памятью поручаю установить о. протодиакону с учетом вокальных возможностей отцов диаконов.

Иподиаконам снова выйти со светильниками на чтение второй молитвы, после многолетий, перед отпуском.

Священников вызвать я указал канцелярии.

Регенту при встрече спеть обычно: «От восток» и «Вошел еси во церковь», далее: «Тон деспотин» и «На гору Сион». На облачение прошу спеть догматик 5-го гласа, знаменным роспевом.

На литургии «Верую» спеть муз. Березовского, а «Отче наш» — муз. [Федора] Иванова. Концерт: «Воскликните Господеви» Гречанинова. На молебне вечную память и многолетия — разные и в соответствии с моими указаниями на заседании 9 марта. После второй молитвы спеть: «Аминь» и Великое славословие муз. Зиновьева или в крайнем случае — Велеумова. После отпуска концерт: «Се ныне благословите Господа» (соло тенор).

Примечание: после отпуска не надо делать большой паузы, а сразу почти после «Господи помилуй» начинать концерт.

Благословлять не буду персонально всех.

Сергий, Архиепископ Ярославский и Ростовский.

Встречаются в репертуарах разных служб и прямые воззвания владыки к своим регентам. Например:

16 октября 1965
Ключарю Феодоровского кафедрального
Града Ярославля собора
О. Протоиерею Алексею Скобей

§ 1

Прошу Вас разъяснить всем регентам церковью, где мне Бог приводит служить, чтобы они не форсировали голоса и не пытались исполнять композиции, явно их хоровым коллективам непосильные. Так бывает иногда в соборе, так было в Троицкой церкви села Толгоболь 14 октября сего года. Пусть поют просто, умирительно и слаженно, не кричат, не путаются в порядке службы, не замедляют темпа пьесы, если этого не требует автор ее.

Малые хоры лучше пусть поют просто, но умирительно и музыкально грамотно. Такие разъяснения дайте до службы или, еще лучше, при предварительном совещании о порядке службы.

§ 2

Пригласите диакона Константина Надеинского на 6—7 дней для служения литургий в собор, разумеется с приготовлением, дабы он научился грамотно владеть техникой диаконского служения, подавать кадило для окуривания покровцев у жертвенника и аэра у жертвенника и престола, знал, как произносить аллилуарий после чтения Апостола, как говорить «Елицы оглашении изыдите», как действовать со священником во время приношения Жертвы бескровной и приобщаться Св. Таин Христовых. Наблюдать и консультировать его протодиакону А. Пижицкому и, если он будет занят, то протодиакону С. Стригунову. Обращаться с ним вежливо и братолюбиво, памятуя Апостольское завещание о братолюбии (Кор. XIII, 1). Отнюдь не третировать его, не забывая, что он имеет Апостольское помазание уже с 1924 года. Об исполнении рапортовать мне.

Архиепископ Ярославский и Ростовский.

Или такое примечание:

Прошу регента хора не замедлять темпы композиций, кои у авторов написаны быстрее, но и заведомо не растягивать те из них, кои написаны в темпе «Аллегро». Я очень ценю дирижеров, точно отражающих мысли и чувства композиторов, написавших то или иное произведение. Право дирижера (регента) интерпретировать произведение автора

в своем понимании, но нельзя совершенно изменять идею автора, до неузнаваемости. Интерпретация хотя и носит несколько творческий элемент, но сохраняет за автором композиции основную мысль, выраженную в том или ином произведении, в частности в музыке. Нельзя изменять совершенно вещь. Можно дать ей несколько яркую или бледную окраску, говоря фигурально.

Но там, где указано петь «форте», нельзя петь «пиано». Например, у композитора П.Г. Чеснокова в его окончании литургии «Благословен грядый», при причащении, является интродукцией к дальнейшему развитию темы, которая завершается апофеозом перед отпуском.

Я это привел как пример, дабы произведения, предлагаемые нашему вниманию (я имею в виду всех верующих, духовенство и себя), были исполняемы в стиле тех мыслей, кои заложены в композиции.

Из переписки владыки с регентами следует еще один важный вывод: он целенаправленно занимался формированием регентских библиотек там, где служил, а регенты разных городов охотно переписывали для владыки запрошенные им композиции; если же не имели их в своем распоряжении, то списывались с коллегами и получали от них. Пересылка шла большая, по всей стране; такое впечатление, что лучшие регенты образовывали своего рода лигу и знали, где кто находится и у кого что есть. Это подтверждается и материалами сохранившихся регентских библиотек той эпохи: часто на переписанных от руки нотах встречаются пометки, от кого, откуда и когда был получен оригинал для переписки. Знали, конечно, регенты, и где какая обстановка, с кем из архиереев можно хорошо работать, в том числе в творческом смысле, а кто относится к пению небрежно. В начале 60-х годов, в трудную для Церкви пору, случались в судьбах регентов тяжелые испытания. Например, Кировоградский регент Сергей Чернецкий писал владыке Сергию в 1966 году:

Глубокоуважаемый Высокопреосвященнейший Владыка!
Сегодня получил от Вас весточку и очень благодарен, что вспомнили обо мне.

Как регента хора положения у меня нет никакого, так как уже четвертый год я не служу в храме. Еще перед смертью нашего Владыки Нестора [Анисимова], с «благословения» уполномоченного, власть в соборе захватила кучка проходимцев (староста, пред. Церк. Прав., казначей), которые создали церковнослужителям такие условия, что в скором времени все разбежались. Настоятель прот. Петр Тарановский уехал, протодиакон от волнения стал болеть да так и не поднялся — умер, а я перешел в Ковалевскую церковь хористом. Под управлением Ник.

Ман. Драканчула пел там несколько месяцев до закрытия этого храма (в настоящее время там продовольственный склад). И хотя в соборе долгое время не было регента, мне пришлось, не имея гражданской специальности, искать работу. Поступил на курсы кочегаров и, получив удостоверение, устроился на мебельной фабрике кочегаром. Работа была каторжная, но постепенно втянулся. Второй год, как я здесь же перешел на другую работу — компрессорщиком. Это уже не тяжелая, но и зарплата не большая — 70 рублей.

В соборе у нас сейчас хороший епископ, другое, приличное церковное правление, хором управляет женщина, которая часто бывает «под мухой». Я хожу как молящийся. В Кировограде свой дом.

С большим удовольствием я бы приехал к Вашему Высокопреосвященству, но не знаю как это устроить, так как в отпуске был в декабре месяце и сейчас не отпустят. Надо до лета ждать другого отпуска или вообще рассчитаться.

Дорогой Владыко! Сообщите, пожалуйста, куда у Вас требуется регент, какой состав хора и условия. Церковный хор — это моя жизнь, но по Воле Божьей я пока управляю компрессорами, которые только шумят и гремят. <...>

Земно кланяюсь и прошу Вашего Святого Благословения.

С уважением С. Чернецкий.

В ответ владыка Сергей писал: «Очень жаль, что Вы работаете не по желанию и призыванию и вместо хора управляете компрессорами, мне кажется, что Вам надо работать с хором», — и приглашал регента в Ярославскую епархию, что по разным причинам не состоялось.

Особенно интересны и многочисленны репертуары Пермской епархии. В Перми был налицо молодой и образованный — с московским духовным академическим образованием! — регент Александр Тарантин (впоследствии в течение многих лет протодиакон местного собора и других храмов города), который и должен был разучивать подобные репертуары либо составлять их самостоятельно и представлять на одобрение владыки. По-видимому, в отличие от южных городов, где хоровое дело было поставлено очень хорошо, — здесь многое приходилось устанавливать заново. В том числе и порядок служения, и собственно пение, относительно которого владыка очень заботился о расширении репертуара. Есть ряд репертуаров, особенно праздничных, в которых отмечено, что хор должен исполнить впер- вые, и доля этого нового бывает очень велика.

Регенту моего хора А.Д. Тарантину
15 июня 1962

С удовлетворением могу констатировать успехи хора, руководимого Вами, в смысле строя, нюансировки и аккордов, но на успехах успокаиваться нельзя. Надеюсь, что по своим вокальным возможностям хор и впредь будет совершенствоваться. Прошу принять к исполнению следующий перечень пьес, кои Вам мною 14 июня переданы. Список их следующий.

Тропарь Рождеству Христову — муз. о. Ф. Киселева,
Тропарь всем святым Российским — муз. его же,
Великие прокимны: «Дал еси» и «Не отврати» — его же,
Тропарь Пятидесятнице — его же,
«Отца и Сына» и литийные «Господи помилуй» — его же,
Тропарь св. Иоанну Златоусту, обработка валаамского распева — М. Балакирева,
«Достойно есть» — Ф. Степанова,
«Да возрадуется душа твоя» — П. Богданова,
Ектения великая — М. Глинки,
Концерт «Камо пойду» — Викт. Калининкова,
«Вошел еси во церковь» — о. М. Скрипникова,
Великое славословие — [Ф.] Войленко.

Полагаю, что все эти произведения хор может освоить не позднее 30 сентября сего года.

Одновременно предлагаю Вашему вниманию следующие песнопения:

Тропарь Преподобному Сергию — муз. о. Киселева,
«Свете тихий» № 2 — его же,
«Хвали душе моя» — Литинского,
Херувимская — И. Ельцова,
«Отче наш», соло сопрано — о. М. Скрипникова.

Эти вещи можете исполнять, если найдете нужным.

Призывая на Вас Божие благословение, желаю Вам и хору успехов.

Архиепископ Пермский и Соликамский

18 июня 1962

Репертуар на праздник Всех Святых

Всенощное бдение

Благослови душе моя — муз. Чеснокова
Мясникова

Блажен муж — Чайковского

соло тенор Третьякова

Свете тихий — Речкунова

Кастальского № 2 ?

Господь воцарися

Веделя

Березовского

Сподоби Господи	Березовского <u>Самсоненко</u>	
Ныне отпускаеши	соло тенор Курбатова соло альт <u>Третьякова</u> Буйницкого	
Богородице Дево радуйся	соло тенор Соколова Померанцева <u>Третьякова</u>	
Шестопсалмие	Васильева <u>Чмелева</u>	
Хвалите имя Господне	<u>Ведея № 3</u> Тульчиева Одесская	
Благословен еси Господи	Феофанова <u>Третьякова</u>	
От юности моя	<u>Толстякова</u>	
соло тенор и бас	Лазаревича	
Величит душа	соло сопрано <u>Кьяндского</u> Тульчиева	
Преблагословенна	<u>Чеснокова</u> Третьякова	
Славословие великое	<u>Скрипникова</u> Гиренко	
Литургия		
Благослови душе моя	Агафонникова <u>Черепнина (или)</u> <u>Чеснокова</u>	
Хвали душе	Неверова	
Единородный Сыне	<u>Неверова</u> <u>Кравцова</u> <u>Фатеева на усмотрение регента</u>	
Во царствии Твоем	Попова Березовского <u>Черепнина</u>	
Херувимская песнь	<u>Чайковского № 3</u>	
соло сопрано	Сидельникова	
соло тенор	Чемерова	
Отца и Сына	<u>Великанова</u> Киевского	
Верую	<u>Неизвестного автора</u> <u>на усмотрение регента</u>	
Милость мира	<u>Слонова</u>	

Тебе поем	соло тенор и бас <u>Степанова</u>
Милость мира	Баньковского <u>Рахманинова</u> или это (вероятно, прилагались ноты. — М. Р.)
Достойно есть	Иванова <u>Турчанинова № 2</u>
Отче наш	<u>Дегтярева</u> соло тенор и баритон свящ. Крикова

Концерты:

Восхвали Господа — муз. Бортнянского,
Стихиры на литии — молитва всем святым — Третьякова
Видехом свет истинный — Чеснокова
Третьякова
Да исполнятся уста — Третьякова
Ведея

Петь по подчеркнутым линиям или по усмотрению регента, где указано.

О том, как происходил выбор песнопений для той или иной службы, можно только догадываться: либо владыка свободно читал нотный текст (он происходил из культурной, обеспеченной семьи и скорее всего обучался музыке в детстве), либо держал в памяти огромный объем произведений, либо регенты проигрывали ему песнопения. Старейший петербургский мастер церковно-хорового дела Михаил Иванович Ващенко, служивший с владыкой Сергием, в разговоре с автором статьи утверждал, что владыка помнил весь этот непомерный репертуар наизусть. И, так же как Ярославцы, помнящие владыку в последние годы его жизни, Михаил Иванович говорил о нем с большим уважением и даже с нежностью.

***

Вообще владыка Сергей был вовсе не единственным епископом той эпохи, уделявшим исключительное внимание церковному пению и составлявшим вместе с регентами репертуары своих служб.

Так, епископская хиротония архимандрита Пимена (Извекова) проходила в Одессе (во епископа Балтского), и к этой службе им лично был написан певческий репертуар. Можно заметить, что этот репертуар, составленный будущим Патриархом (в молодости — одним из лучших московских регентов), отличается серьезностью и высокой стилистической выдержанностью; известны и утвержденные им репертуары более позднего времени.

Есть сведения, что репертуары для хора и регента регулярно составлялладыка совсем другого склада, особенно любивший и культивировавший церковную старину, — настоятель кафедрального Феодоровского собора в Ярославле, затем архиепископ на Рязанской кафедре Николай (Чуфаровский). В частности, А.В. Чуфаровская и Л.А. Зуммер в статье оладыке в «Ярославских епархиальных ведомостях» (2004, ноябрь-декабрь) указывают, что архиепископ Николай, ученик и друг известного духовного композитора о. Василия Зиновьева, всегда уделял особое внимание хорам, просматривал и утверждал составлявшиеся регентами списки песнопений, сам сочинял и делал переложения древних роспевов.

В № 10 Журнала Московской Патриархии за 1959 год читаем:

Все песнопения, которые можно услышать в Рязанском соборе, выдержаны в строгом, чисто церковном стиле. Архиепископ Николай сам неукоснительно следит за хором, сам просматривает и утверждает представляемый регентом список подлежащих к исполнению песнопений. В качестве примера можно привести перечень того, что исполнялось за всенощным бдением в канун праздника Успения Божией Матери: из 23 песнопений — 12 было лаврского роспева, 2 — большого знаменного, 1 — Александро-Невской лавры, 1 — киевского роспева, остальные — Кастаньского и других известных церковных композиторов. Молитвенно исполнялись стихиры на «Господи воззвах», на стиховне, на хвалитех. А за литургией все песнопения, кроме задостойника, были лаврского роспева...¹⁴

В хронике Журнала Московской Патриархии не однажды встречается упоминание о певческой и регентской практике архиепископа Калининского (Тверского) и Кашинского Алексия (Коноплева). Например, уже в 1979 году:

Накануне праздника за всенощным бдением пели два хора: смешанный и мужской, состоявший из клириков и иподиаконов под управлением Высокопреосвященного Алексия (Калининского и Кашинского архиепископа). Служба совершалась воскресная с соединением службы Всем Тверским святым, написанной архиепископом Алексием.

Мужской хор исполнял стихиры на «Господи воззвах», воскресный прокимен, молитву «Сподоби Господи» киевского роспева, просительную

ектению, литийные и стиховные стихиры, тропарь Тверским святым и Богородичен также пел мужской хор.

Архиепископ Алексей с сонмом священников и диаконов вышел на середину храма, к иконе Всем святым, в земле Тверской просиявшим, на полиелей. <...>

ладыка Алексей читал канон и участвовал в пении катавасии. После канона был исполнен светилен Тверским святым композиции архиепископа Алексия¹⁵.

Такие примеры можно умножить.

Очевидно, что репертуарыладыки Сергия «всеядны». Есть и произведения XVIII — начала XIX века: кроме общеобязательных Бортнянского и Дегтярева, также Сарты и Давыдов, например. Достаточно много классиков — Чайковского и Римского-Корсакова, представлен Балакирев, но при этом относительно мало Рахманинов. Новое направление, кроме Гречанинова, представлено неплохо, но не очень обильно, отдельными композициями Кастаньского, Чеснокова, Калининкова, Шведова, Черепнина. Еще менее значима монастырская традиция, хотя встречается изредка знаменный роспев унисоном. Особенно много композиций XX века, в том числе так называемых «регентских», разных школ, с преобладанием южнорусской. Обильно представлены произведения с солистами, по крайней мере в праздничных службах, — что вполне типично для того времени. Говоря коротко — полная эклектика.

Но надо отдать должноеладыке Сергию: сколь бы пестрыми в стилистическом отношении ни представлялись ныне его репертуарные списки, они неизменно существуют, как уже говорилось, в контексте той или иной службы и всегда содержат указания не только для регента (вернее, регентов обоих клиросов), но и для иереев, диаконов и всех вообще участвующих в службе, даже для прихожан (в смысле их участия в пении), включая описание богослужебных действий самого архиерея, регулируя наряду с пением и чтение, и передвижение по храму. Этот «синтетический» характер делает репертуары особенно интересными, ибо отражает и богослужебную практику эпохи и — в некотором смысле — ее дух.

О том, как обеспечивалось исполнение сложных репертуаров, оставил воспоминания М.Е. Губонин (речь идет об Астрахани):

¹⁴ Харьзов Н., протоиерей. Кафедральный собор в г. Рязани (Борисоглебский) // ЖМП. 1959. № 10. С. 39—42.

¹⁵ Виктор (Олейник), архимандрит. Праздничное богослужение в кафедральном соборе // ЖМП. 1979. № 11. С. 16.

Как на особо положительную сторону архипастырской деятельности Преосвященного справедливости ради следует указать на его неизменное попечение о церковном богослужебном порядке и, главным образом, пении. Что касается первого из этих аспектов, то в строе богослужения интересует его, в первую очередь, не уставная, а помпезно-ритуальная сторона: ее слаженность, ритмичность, общая срежиссированность и взаимосвязь участвующих в богослужении лиц...

Никакой ляпсус и никакая оплошность здесь совершенно не терпятся!

Промахнувшийся — кто бы он ни был — немедленно слышит грозный крик, нередко и с прибавлением весьма хлесткого прилагательного.

Особо торжественные богослужения заблаговременно репетируются в пустом соборе, «дверем затворенным», под непосредственным смотрением Его Преосвященства, руководящего с кафедры, где для этой цели ставится ему кресло. Здесь особенно достается на орехи, конечно, о ключарю, иногда довольно солидному и почтенному протоиерею.

Лихо приходится и дьяконам, особенно за отсутствие ритмичности во время парного каждения. Разучивается эта мизансцена иногда долго и мучительно.

Отцы дьякона с пустыми кадилами с обреченными физиономиями становятся на сцене, у Царских врат в трепетном ожидании.

— Пошли! — раздается грозная команда с кафедры, и Преосвященный с четкостью метронома отбивает такт ногою и ладонями.

— Раз-два!.. раз-два!.. раз... отставить!! Снова. Безобразие!

Отцы дьякона возвращаются на исходную позицию.

— Пошли!.. раз-два!.. раз-два!.. раз-два!.. Лучше, но все-таки скверно. Еще раз...

Все начинается снова и так... «дондеже».

Все присутствующие пребывают в предельном напряжении и, по окончании, возвращаются по домам, как из бани.

Ничего не поделаешь: служба! «Владыка любит порядок... спаси его, Господи!» — добавляют наиболее смиренные и благочестивые. Что думают про себя другие — неизвестно.

Соответствующие экзекуции происходят и на хоровых спевках.

Церковное пение является самым «больным местом» Преосвященного и неизменным предметом его ревностных забот и попечения. На всех своих многочисленных кафедрах комплектование архиерейских хоров и приискание соответствующего предъявляемым высоким требованиям регента — являлось первоочередной заботой Его Преосвященства, на которую не жалелись соборные средства и затрачиваемые усилия¹⁶.

Несмотря на иронический тон мемуариста, по прочтении этого текста возникает горькое сожаление, что подобная служба не была записана, желательно и видеокамерой. И почему, собственно, так предосудительны репетиции с отцами диаконами и всеми прочими в особо трудных и ответственных литургических случаях?

Ответ на вопрос ясен: Церковь в эти годы жила, как и страна, очень трудно. И на таком фоне — вдруг подобное «роскошество», с точки зрения мемуариста не обязательное в смысле духовном, скорее «помпезно-ритуальное». И даже не уставное, хотя устав в службе владыки Сергия, судя по репертуарам, соблюдался. Вероятно, не уставное в смысле — не петое обиходными или древними роспевами, к чему неустанно призывал в то время Патриарх Алексий.

Однако вопросы эти не столь просты. Если уже внешнее поведение владыки Сергия, описанное выше, приносило определенную пользу Церкви, то его церковное служение тем более должно было утверждать высокий образ. Да и как еще — кроме прекрасного церковного служения — могла Русская Церковь в ту пору утверждать свое достоинство перед внешним миром? Ведь другие виды деятельности (кроме «внутреннего делания», конечно) были закрыты.

Что же касается собственно певческих репертуаров, то можно констатировать, что многие представленные в них композиции и сегодня живут на наших клиросах — достаточно заглянуть на соответствующие сайты, чтобы найти ноты или записи. Другое дело, что сейчас существует много разных стилей пения, в том числе глубоко контрастных эклектике. Высокий идеал сейчас — скорее образ пения, который в течение десятилетий создавался хором Троице-Сергиевой Лавры и был закреплен деятельностью такого гениального регента, как приснопоминаемый архимандрит Матфей (Мормыль). Но и эклектика — наше наследие, наше достояние, которое еще предстоит осмыслить.

Важный момент — стремление владыки создавать, в меру своего вкуса, цельное певческое оформление той или иной службы, не в смысле использования цикла одного композитора, а в смысле подбора определенных хоровых композиций. Сейчас подобная идея — темпоритма каждой службы и его певческого решения — разрабатывается в разных учебниках по регентскому делу, а идет она из еще более ранней эпохи, чем послевоенная, из 20-х годов. Но это — особая тема.

И еще одна заметная тенденция, которую можно обозначить как стремление Церкви той эпохи, если так можно выразиться, адаптировать русскую классику, — не только музыкальную, также и художественную, литературную. Для создания своего образа, для

¹⁶ Вестник. С. 147–148.

противостояния происходящему вокруг Церкви важно было найти утверждение и опору в классической традиции. Об этом могут свидетельствовать и многочисленные материалы Журнала Московской Патриархии, исправно отмечавшего юбилейные даты крупных русских композиторов (особенно тех, кто обращался к духовной композиции, — о них твердо и безоговорочно говорилось как о верных сынах Церкви), и программы очень редких и безусловно «закрытых» духовных концертов той эпохи, где церковные композиции соединяются с определенным «набором» произведений русской классики (обязательно — вступление к «Хованщине» «Рассвет на Москва-реке» Мусоргского, Воскресная увертюра Римского-Корсакова, часто — его же вступление к «Китежу» «Похвала пустыни», непременно — увертюра «1812 год» Чайковского и проч.), и дружеские связи выдающихся иерархов с выдающимися артистами, художниками, писателями. Но это — тоже отдельная тема для размышления...

***

Автор этой статьи, как человек с консерваторским образованием, с юности изучавший крюковое пение, а потом долгое время занимавшийся деятелями Нового направления, — сначала относился к эклектическому репертуару с долей иронии и недоумения. Однако теперь, изучая мемуарику советской эпохи, я вижу, как эта эклектика была дорога глубоко преданным Церкви людям, в том числе людям с очень высоким образовательным уровнем и, несомненно, с воспитанным художественным вкусом. Что побуждает взглянуть иначе и на эпоху, и на певческие репертуары владыки Сергия Ларина.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Патриарх *Алексий (Симанский)*. Выписка из распоряжения Святейшего Патриарха в бытность его Митрополитом Ленинградским, благочинным церквей г. Ленинграда. 15 февраля 1941 года // Православный церковный календарь на 1946 год.
- 2 *Виктор (Олейник)*, архимандрит. Праздничное богослужение в кафедральном соборе // ЖМП. 1979. № 11.
- 3 *Иванов-Корсунский В.* Противостояние. Воспоминания, дневники / Сост. К. Ширина. СПб., 2006.
- 4 *Краснов-Левитин А.* Рук твоих жар (1979). Интернет-ресурс: http://krotov.info/history/20/1940/levitin_8.htm. Дата обращения: 10.01. 2016.
- 5 *Марченко Алексей*, свящ. Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010.
- 6 *Масленникова Зоя.* Жизнь отца Александра Меня // Интернет-ресурс: http://krotov.info/library/13_m/as/lennikova_1a.htm#277. Дата обращения: 10.01. 2016.
- 7 Новые документы к жизнеописанию архиепископа Сергия (Ларина). Воспоминания епископа Василия (Родзянко) и М.Е. Губонина / Публикация и примечания Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. 11:1. М., 2009.
- 8 *Фортулатова Нина.* Мой огненный ангел. М., 2009.
- 9 *Фомин С.* Апостол Камчатки Митрополит Нестор (Анисимов) М., 2004.
- 10 *Харьюзов Н.*, протоиерей. Кафедральный собор в г. Рязани (Борисоглебский) // ЖМП. 1959. № 11.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- 1 <http://www.astrakhan-ortodox.astranet.ru/vladyki/sergiy2.htm>. Дата обращения: 10.01. 2016.
- 2 <http://eparhiya.od.ua/eparhiya/istoriya-eparhii>. Дата обращения: 10.01. 2016.